

**ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИДА ҚУЛАЙ ИНВЕСТИЦИЯВИЙ МУҲИТНИ
ШАКЛЛАНТИРИШ ШАРТИ СИФАТИДА БЛАНКЕТ ДИСПОЗИЦИЯЛИ ЖИНОЯТ
ТАРКИБЛАРИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШ: ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ЖИНОЯТ
КОДЕКСИНИНГ 190-МОДДАСИ ТАҲЛИЛИ**

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БЛАНКЕТНЫХ СОСТАВОВ КАК УСЛОВИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПРИЯТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В
УЗБЕКИСТАНЕ: АНАЛИЗ СТАТЬИ 190 УК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**IMPROVEMENT OF BLANKET OFFENSE ELEMENTS AS A CONDITION FOR FORMING A
FAVORABLE INVESTMENT CLIMATE IN UZBEKISTAN: AN ANALYSIS OF ARTICLE 190 OF
THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN**

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20258168>

Холикулов Умид Шодиевич

ю.ф.д., доцент, Ўзбекистон Республикаси Жамоат хавфсизлиги университети

Холикулов Умид Шодиевич

*д.ю.н., доцент, Университет общественной безопасности Республики
Узбекистан*

Umid Kholikulov

*Doctor in Law, Associate Professor, University of Public Security of the Republic of
Uzbekistan*

Annotatsiya: *Maqolaning maqsadi – O‘zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 190-moddasi amaldagi tahriri, ya’ni litsenziyasiz, ruxsat beruvchi hujjatsiz yoki xabarnoma yubormasdan faoliyat yuritganlik uchun jinoiy javobgarlik belgilanishi, ultima ratio, huquqiy aniqlik, mutanosiblik tamoyillari hamda qulay investitsiya muhitini shakllantirish bo‘yicha strategik vazifalarga qanchalik mos kelishini aniqlashdir. Tadqiqotda normativ-huquqiy, qiyosiy-huquqiy, institutsional va kontent-tahlil usullari qo‘llanildi. Tadqiqot natijalari shuni ko‘rsatadiki, 190-moddaning asosiy muammosi blankem usulning o‘zida emas, balki jinoiy-huquqiy ta’sirning xavflilik darajasi turlicha bo‘lgan xabarnoma, ruxsat va litsenziya rejimlariga bir xil tatbiq etilishidadir. Bundan tashqari, jinoiy javobgarlik asosan daromad miqdoriga bog‘langan bo‘lib, real zarar yoki muhofaza qilinadigan manfaatlarga aniq xavf yetkazilganini isbotlash ikkinchi planga suriladi. Maqolada daromad huquqbuzarlik ko‘lamining belgisi bo‘lishi mumkinligi, biroq u zararning o‘rnini bosa olmasligi asoslanadi. Ilmiy yangilik 190-moddaning jinoiy-huquqiy va institutsional-iqtisodiy tahlilini birlashtirish hamda regulyator qoidabuzarliklarni kriminalizatsiya qilishga yo‘l qo‘yilishining besh bosqichli testi taklif etilishida namoyon bo‘ladi. Amaliy ahamiyat esa 190-moddani qayta tuzish modeli – xabarnoma va ruxsatga oid buzilishlarni dekriminalizatsiya qilish, jinoiy*

javobgarlikni esa faqat yuqori xavfli litsenziyalanadigan faoliyat turlarigagina, katta zarar yoki og'ir oqibatlar xavfi mavjud bo'lgan hollarda saqlab qolish – ishlab chiqilganidadir.

Kalit so'zlar: *blanket dispozitsiya; dekriminalizatsiya; jinoiy siyosat; ultima ratio; huquqiy aniqlik; mutanosiblik; investitsiya muhiti; tadbirkorlik; litsenziyalash; O'zbekiston.*

Аннотация: *Цель статьи – определить, соответствует ли действующая редакция статьи 190 УК Республики Узбекистан, устанавливающая уголовную ответственность за осуществление деятельности без лицензии, разрешительного документа либо без направления уведомления, принципам ultima ratio, правовой определенности, соразмерности и стратегическим задачам формирования благоприятного инвестиционного климата. В статье использованы нормативно-догматический, сравнительно-правовой, институциональный и контент-аналитический методы. Установлено, что проблема статьи 190 заключается не в самом факте бланкетной конструкции, а в том, что уголовно-правовая реакция распространяется на неоднородные по опасности режимы – уведомительный, разрешительный и лицензионный – и при этом связывается преимущественно с размером дохода, а не с причинением реального вреда либо созданием конкретной угрозы охраняемым благам. Обосновано, что доход может выступать индикатором масштаба противоправного поведения, но не заменяет доказывание вреда. Научная новизна состоит в соединении уголовно-правового и институционально-экономического анализа статьи 190 и в предложении пятиступенчатого теста допустимости криминализации регуляторных нарушений. Практическое значение работы заключается в формулировании модели законодательной переработки статьи 190: декриминализация уведомительных и разрешительных нарушений, сохранение уголовной ответственности только для высокорисковых лицензируемых видов деятельности при наличии крупного ущерба либо реальной угрозы тяжкого вреда.*

Ключевые слова: *бланкетная диспозиция; декриминализация; уголовная политика; ultima ratio; правовая определенность; соразмерность; инвестиционный климат; предпринимательство; лицензирование; Узбекистан.*

Abstract: *The article examines whether Article 190 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, which criminalizes carrying out activities without a license, permit document, or required notification, complies with the principles of ultima ratio, legal certainty, proportionality, and the strategic objectives of improving the investment climate. The study employs doctrinal legal analysis, comparative legal method, institutional analysis, and content analysis of official documents. It argues that the main problem does not lie in the blanket technique as such, but in extending criminal liability to heterogeneous regulatory regimes—notification, permit, and licensing—while using income as the principal trigger of criminalization instead of actual harm or a concrete threat to protected interests.*

The article demonstrates that income may indicate the scale of unlawful conduct but cannot substitute proof of harm. Its scientific novelty lies in combining criminal law theory with institutional economics and in proposing a five-step test for assessing the admissibility of criminalizing regulatory breaches. The article concludes by recommending the decriminalization of notification- and permit-related violations and retaining criminal liability only for high-risk licensed activities where major damage or a real threat of grave harm is established.

Keywords: *blanket offence; decriminalization; criminal policy; ultima ratio; legal certainty; proportionality; investment climate; entrepreneurship; licensing; Uzbekistan.*

ВВЕДЕНИЕ

Узбекистан в последние годы проводит одновременно две взаимосвязанные линии реформ: сокращает бюрократические барьеры для бизнеса и формирует более современную систему контроля за потенциально рискованными видами деятельности. По Указу Президента № УП-113 от 20 апреля 2022 года в сфере предпринимательства были отменены 132 процедуры лицензирования и разрешения, пересмотрены и упрощены более 200 административных процедур. Стратегия «Узбекистан – 2030» закрепляет курс на благоприятный инвестиционный и деловой климат, а Указ Президента № УП-50 от 19 марта 2025 года ставит перед государством цель довести вклад малого и среднего бизнеса до 55 % ВВП и 75 % занятости. На этом фоне статья 190 УК продолжает криминализировать деятельность без уведомления, без разрешительного документа и без лицензии, если она сопряжена с получением дохода в особо крупном размере. Тем самым ставится исследовательский вопрос: соответствует ли такая криминализация формальных регуляторных нарушений современным пределам уголовно-правового вмешательства в экономическую деятельность. [8]

Исследовательская гипотеза состоит в том, что действующая модель статьи 190 лишь частично отвечает принципам *ultima ratio*, правовой определенности и соразмерности. Бланкетная техника сама по себе допустима, однако криминализация в ее нынешнем виде чрезмерно распространяется на неоднородные по степени опасности деяния и использует доход как заменитель вреда. Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой охраны законного порядка осуществления экономической деятельности. Предмет исследования – статья 190 УК, связанные с ней положения статьи 165 КоАО, Закона № ЗРУ-701 от 14 июля 2021 года, судебное толкование и сопоставимые зарубежные модели. Цель работы – разработать критерии допустимой криминализации регуляторных нарушений и предложить публикационно и законодательно пригодную модель переработки статьи 190.

Следовательно, проблема статьи 190 возникает не в абстрактной плоскости «за» или «против» бланкетных норм, а на уровне несоразмерного распространения

уголовно-правового запрета на формальные нарушения режима допуска к экономической деятельности в условиях официально проводимой дерегуляции. [9]

Степень научной разработанности и методология

В литературе можно выделить три основных подхода. Первый – легитимирующий бланкетные уголовно-правовые конструкции при условии нормативной определенности отсылки. Наиболее системно его формулирует О.С. Гузеева: бланкетная диспозиция сама по себе не противоречит принципу законности, но ее содержание должно опираться именно на нормативные правовые акты, а не на технические или рекомендательные предписания; кроме того, правоприменитель обязан проверять иерархическую и содержательную легитимность акта, к которому делается отсылка. С этим подходом следует согласиться постольку, поскольку он корректно разводит вопрос о допустимости бланкетности и вопрос о пределах уголовно-правовой охраны. Но его слабое место в том, что он не отвечает на следующий вопрос: всегда ли нарушение регуляторной нормы вообще заслуживает криминализации. [2]

Второй подход – ограничительный. В русскоязычной доктрине критерии социальной обусловленности криминализации разрабатывались В.Н. Кудрявцевым и соавторами, А.Д. Нечаевым, А.И. Коробеевым; в англоязычной литературе сходные ограничения формулируют Douglas Husak, William J. Stuntz и Stephanos Bibas. Общий смысл этого направления заключается в том, что уголовное право не должно превращаться в универсальный инструмент обеспечения любого нормативного требования: чем шире уголовный запрет, тем выше риск чрезмерной дискреции, селективного преследования и размывания границы между преступлением и правонарушением. С данным подходом автор соглашается в его базовой установке, но полагает недостаточным чисто абстрактное осуждение *overcriminalization* без анализа институциональной среды конкретной юрисдикции. [10]

Третий подход – институциональный. Douglass North показывает, что институты формируют систему стимулов и тем самым влияют на издержки и возможности экономической деятельности; Oliver Williamson раскрывает это через категорию транзакционных издержек. Применительно к Узбекистану Tolibjon Mustafоев обоснованно связывает деловой и инвестиционный климат не только с формальными реформами, но и с повседневной практикой их реализации, уровнем доверия и сохраняющимися неформальными нормами. Said S. Gulyamov и Otabek S. Narziev подчеркивают, что инвестиционный климат Узбекистана стабилен, но его ростовой потенциал зависит от более решительных и последовательных реформ, а Dilaver Khamzaev и Ainur Kenzhetayeva демонстрируют, что для инвесторов и МСП критичны не только формальные гарантии, но и качество регуляторной среды, доступ к финансам, логистике и предсказуемости правил. Из этого следует, что чисто догматический анализ статьи 190 без учета институциональных стимулов был бы неполным. [11]

Методологически статья опирается на нормативно-догматический анализ, сравнительно-правовой метод, институциональный анализ и контент-анализ официальных документов. Источники отбирались по трем критериям: официальность нормативного текста, академическая репутация публикации или издательства и прямая релевантность вопросу о криминализации регуляторных нарушений.

Литература не дает оснований отрицать бланкетные нормы как класс, но дает достаточные основания сомневаться в уголовно-правовой оправданности тех бланкетных составов, которые наказывают формальное несоблюдение регуляторного режима без доказанного вреда и при наличии менее репрессивных институтов контроля. [12]

Нормативно-институциональная рамка по состоянию на 2026 год

Действующая редакция статьи 190 УК охватывает три блока деяний: отсутствие уведомления, отсутствие документа разрешительного характера и отсутствие лицензии. Во всех трех случаях криминализация поставлена в зависимость от получения дохода в особо крупном размере. Санкции по базовым составам сравнительно невысоки: 25, 40 и 55 базовых расчетных величин соответственно, с альтернативой в виде лишения определенных прав, обязательных общественных работ или исправительных работ. При этом лицо, впервые совершившее преступление, освобождается от ответственности, если в тридцатидневный срок устранило последствия и возместило материальный ущерб. Уже сама конструкция этой оговорки показывает, что законодатель признает за значительной частью охватываемых деяний неустойчивую, пониженно-опасную криминальную природу. [13]

С административной стороны статья 165 КоАО предусматривает за те же группы нарушений штрафы на граждан и должностных лиц: за отсутствие уведомления – от 5 до 15 БРВ, за отсутствие разрешительного документа – от 10 до 20 БРВ, за отсутствие лицензии – от 15 до 25 БРВ. Тем самым законодатель уже располагает полноценной административной моделью реагирования на соответствующие деяния. Более того, Закон № ЗРУ-701 от 14 июля 2021 года создает сложную и ступенчатую систему контроля: дистанционный контроль, специальную электронную систему, «риск-анализ», обязательное предписание об устранении нарушения в течение десяти рабочих дней, проверки по обращениям граждан и юридических лиц, согласование выездных проверок с бизнес-омбудсманом, а также денежное поощрение заявителей в размере 10 % от взысканного штрафа. Для юридических лиц тот же закон предусматривает штрафы в ряде лицензируемых сфер на уровне 200–300 БРВ. Иными словами, действующая правовая система уже имеет развитый набор альтернатив уголовному преследованию. [14]

Принципиально важно и различие между режимами уведомления, разрешения и лицензирования. Если законодатель относит деятельность к уведомительной модели, это означает сознательное снижение уровня предварительного

государственного контроля. Контраргумент здесь очевиден: даже уведомительный режим предполагает обязательные условия, а потому их обход может быть общественно опасным. Однако этот довод не снимает системного противоречия: если *ex ante* государство считает допустимым деятельность по модели «сообщи и работай», то превращение самого факта ненаправления уведомления в преступление – при отсутствии доказанного вреда – выглядит концептуально не вполне согласованным с логикой избранного регуляторного режима. В отношении разрешительных документов и лицензий степень риска выше, но и здесь она неоднородна: закон объединяет под одним уголовным знаменателем принципиально разные сектора. [15]

Пленум Верховного суда Республики Узбекистан в действующей редакции разъясняет, что незаконная предпринимательская деятельность может выражаться, в частности, в форме работы без лицензии, без документа разрешительного характера и без уведомления; одновременно он прямо указывает, что вид ответственности связан с размером получаемого «неконтролируемого дохода (прибыли)», понимаемого как выручка за вычетом затрат. При этом прежний пункт 10 утратил силу. Для практики это имеет двойное значение: во-первых, уголовно-правовой фильтр сегодня строится прежде всего вокруг дохода; во-вторых, прежние схемы об обязательной административной ступени уже не могут воспроизводиться как действующее право. [16]

И так, действующая нормативная рамка сама подталкивает к пересмотру статьи 190: административные и корпоративно-штрафные инструменты уже развернуты, контроль построен по модели поэтапного принуждения, а потому уголовная репрессия в отношении формального отсутствия уведомления или разрешения требует особенно строгого обоснования. [17]

Доход как индикатор противоправности и вред как самостоятельный элемент правовой оценки

Наиболее уязвимое звено статьи 190 – привязка криминализации к доходу. Аргумент в пользу такого решения понятен: доход объективнее и проще доказывать, чем диффузный вред рынку, потребителям или государству; кроме того, большой доход, вероятно, отражает масштаб противоправной деятельности. Именно этим можно объяснить и позицию Пленума, который ставит вид ответственности в зависимость от размера «неконтролируемого дохода (прибыли)». Однако этот аргумент верен лишь частично. Доход действительно может служить доказательством масштаба, устойчивости и коммерческой организованности незаконной деятельности; но он не тождествен ни материальному ущербу, ни общественно опасным последствиям, ни конкретной угрозе жизни, здоровью, безопасности, конкурентной среде или финансовой стабильности. [18]

С теоретической точки зрения необходимо различать как минимум четыре категории: незаконный доход, имущественную выгоду, материальный ущерб и

общественно опасные последствия. Незаконный доход – это результат предпринимательской активности, осуществленной с нарушением режима допуска; имущественная выгода – более широкое понятие, охватывающее прирост активов или экономию расходов; материальный ущерб – уменьшение имущества конкретного потерпевшего или государства; общественно опасные последствия – вред охраняемым уголовным правом благам, который может быть имущественным, физическим, экологическим, институциональным. Автоматическое отождествление первой категории с четвертой разрушает материальный критерий преступления. В этом месте критика свержкриминализации у Husak, Stuntz и Bibas приобретает прямое прикладное значение: широкие мало дифференцированные составы упрощают обвинение, но одновременно расширяют пространство усмотрения и снижают требовательность к доказыванию действительного вреда. [19]

Контраргумент может опираться на теорию public welfare offences (точнее утилитаризма), восходящую к Francis B. Sayre, и на последующее американское различие между традиционными преступлениями и узкими регуляторными составами, отраженное в *Morissette v. United States*. В некоторых секторах государство вправе усиливать принуждение даже при упрощенном доказательственном стандарте, если речь идет о деятельности, создающей особую угрозу для общества. Но именно здесь скрыт ключевой предел: такая логика применима к действительно высокорисковым видам деятельности, а не к любому формальному отклонению от уведомительного или разрешительного режима. Иначе «публичное благосостояние» превращается в универсальное оправдание для криминализации административного непослушания. [20]

Сравнительно значимо и то, что Россия в действующей редакции статьи 171 УК РФ, обновленной в 2024 году, связывает основной состав незаконного предпринимательства не с доходом, а с причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству. Российская модель далека от идеала, но сам законодательный сдвиг показателен: даже в близкой постсоветской правовой семье наблюдается движение от доходо-центричной конструкции к конструкции, ориентированной на вред. Для Узбекистана это означает, что переход к более материальному признаку криминализации не является экзотическим заимствованием, а вписывается в сопоставимую эволюцию континентальной уголовно-правовой политики. [21]

Таким образом доход может быть квалификационным маркером масштаба противоправности, но не должен выступать самостоятельным и достаточным заменителем вреда; иначе уголовная ответственность начинает опираться не на социальную опасность как таковую, а на финансовый объем формально незаконной активности. [22]

Проблемы квалификации, сравнительно-правовой анализ и научная дискуссия

С точки зрения законодательной техники статья 190 проблемна тем, что объединяет под одной уголовно-правовой оболочкой разные объекты охраны. В уведомительном режиме непосредственным объектом посягательства является прежде всего порядок информационного учета и контроля; в разрешительном – порядок допуска к конкретному действию; в лицензионном – более сложный комплекс интересов, который может включать защиту жизни и здоровья, финансовой стабильности, потребителей, транспортной или иной общественной безопасности. Гюзеева справедливо подчеркивает, что бланкетность допустима лишь тогда, когда отсылка сохраняет иерархическую и содержательную определенность. Но в статье 190 проблема глубже: даже при формальной определенности отсылки уголовный закон нивелирует различия между объектами и опасностью указанных нарушений. [23]

Аргумент в пользу сохранения широкой статьи 190 может строиться так: единый состав облегчает охрану порядка экономической деятельности, дисциплинирует предпринимательский оборот и снижает соблазн обхода разрешительных требований. Этот довод особенно силен применительно к сферам с высокой публичной опасностью – например, перевозкам пассажиров, финансовым услугам, обороту крипто-активов, страхованию, образованию, алкоголю. Но именно действующий Закон № ЗРУ-701 показывает, что в таких секторах государство уже располагает сильными корпоративными санкциями: для юридических лиц штрафы за деятельность без лицензии по ряду лицензий составляют 200-300 БРВ, что существенно превышает личный уголовный штраф в 55 БРВ, установленный частью пятой статьи 190. Следовательно, уголовный закон не является здесь единственным и даже не всегда самым интенсивным инструментом принуждения. [24]

С институционально-экономической точки зрения это означает следующее. По North институты задают структуру стимулов, а по Williamson эффективность правового режима зависит от трансакционных издержек и стоимости обеспечения исполнения. Если при уже существующей системе дистанционного контроля, риск-анализа, коррекционных предписаний и корпоративных штрафов дополнительно сохраняется уголовная угроза для руководителя организации, то это может увеличивать входные издержки, усиливать правовую неопределенность и стимулировать не столько соблюдение правил, сколько уклонение от формализации бизнеса либо защитное поведение, ориентированное на минимизацию контакта с регулятором. У Mustafоев эта проблема описывается в более широких категориях: формальные реформы могут сдерживаться неформальными практиками и слабостью доверия, а потому избыточная репрессия способна снижать фактический эффект реформ. Здесь причинная связь требует осторожности и не может быть окончательно доказана без эмпирических данных, однако институциональная логика такого вывода представляется обоснованной. [25]

Дополнительный аргумент против чрезмерной криминализации дает сама правоприменительная логика Верховного суда: Пленум рекомендует обсуждать освобождение от уголовной ответственности или наказания при добровольном возмещении ущерба, признании вины и раскаянии по делам, связанным с предпринимательской деятельностью. В совокупности с тридцатидневной льготной оговоркой в самой статье 190 это демонстрирует, что и законодатель, и суд фактически рассматривают значительную часть случаев по статье 190 как ситуации, в которых приоритет должен принадлежать восстановлению правопорядка и компенсации, а не репрессии. [26]

Отдельно следует отметить эмпирическое ограничение. Публично доступная официальная статистика Узбекистана дает сведения о преступлениях в сфере экономики в целом, но не позволяет проверить, как часто статья 190 применяется, в каких секторах, какова доля прекращенных дел и насколько активно работает освобождение от ответственности после устранения последствий. Поэтому тезис о практической маргинальности статьи 190 следует формулировать лишь как вероятностный. Для окончательной проверки гипотезы необходимы: годовые данные о регистрации дел по статье 190, число осужденных и освобожденных лиц, распределение по частям статьи, соотношение с административными делами по статье 165 КоАО и данные о штрафах для юридических лиц по Закону № ЗРУ-701. [4]

Как видно, сравнительно-правовой и институциональный анализ не подтверждает необходимость сохранения статьи 190 в ее нынешнем объеме; напротив, он показывает, что уведомительный и значительная часть разрешительного блока рациональнее обслуживаются административно-корпоративными средствами, тогда как уголовное право должно концентрироваться на высокорисковых секторах и доказанном вреде. [27]

Авторская концептуальная модель и выводы

Для оценки допустимости криминализации регуляторных нарушений предлагается пятиступенчатый тест.

Первая ступень – тест нормативного источника: уголовно наказуемое нарушение должно опираться на закон или на прямо предусмотренный законом закрытый перечень, а не на подвижную совокупность ведомственных или технических предписаний.

Вторая ступень – тест охраняемого блага: необходимо установить, какое именно благо защищается уголовным правом – жизнь и здоровье, общественная безопасность, финансовая стабильность, экология, права потребителей или иное конституционно значимое благо. Если фактически охраняется лишь порядок административного учета, уголовное право, как правило, избыточно.

Третья ступень – тест вреда или конкретной угрозы: преступлением должно признаваться только такое осуществление деятельности без лицензии, которое

причинило крупный ущерб либо создало реальную, а не абстрактную угрозу тяжкого вреда охраняемым благам.

Четвертая ступень – тест субсидиарности: нужно показать, что административные штрафы, корпоративная ответственность, корректирующее предписание, приостановление деятельности и иные механизмы действительно недостаточны.

Пятая ступень – тест соразмерности и индивидуализации: уголовная ответственность допустима лишь при наличии вины, значимого уровня нарушения и адекватной возможности разграничить организатора, руководителя и рядового исполнителя. Доход в этой модели может учитываться при оценке масштаба деяния и при назначении наказания, но не должен замещать критерий вреда. Эта конструкция согласуется с ограничительной теорией криминализации у Husak, с критикой дискреционного расширения уголовного права у Stuntz и Bibas и с институциональной логикой North и Williamson. [28]

Из указанного теста вытекает конкретное законодательное предложение. Части первая – четвертая статьи 190 подлежат исключению из УК с одновременным усилением административного и корпоративного реагирования по статье 165 КоАО и Закону № ЗРУ-701. Уголовная ответственность должна быть сохранена только за осуществление прямо указанных законом высокорисковых лицензируемых видов деятельности без лицензии, если деяние причинило крупный ущерб либо создало реальную угрозу тяжкого вреда жизни, здоровью, общественной безопасности, окружающей среде или устойчивости финансового рынка. Доход в особо крупном размере целесообразно перевести из числа криминообразующих признаков в число обстоятельств, характеризующих масштаб нарушения и индивидуализирующих ответственность. Такая модель не устраняет бланкетность как прием, но делает ее материально оправданной и институционально согласованной. [29]

Теоретический вклад статьи состоит в том, что она разводит допустимость бланкетной техники и допустимость криминализации формальных регуляторных нарушений. Практическое значение заключается в предложении теста, который пригоден для ревизии не только статьи 190, но и других составов, построенных вокруг нарушения предварительных административных режимов. Законодательное следствие – переход от доходо-центричной и формально-объектной модели к модели криминализации на основе причинения вреда (*harm-based criminalization*) для узкого круга высокорисковых случаев. Для инвестиционного климата это означает не «ослабление контроля», а снижение правовой неопределенности и более рациональное распределение репрессивных и административных инструментов.

Промежуточный вывод: наиболее обоснованным решением является не отказ от уголовно-правовой охраны регуляторных режимов вообще, а узкая и материально ориентированная декриминализация статьи 190: уведомление и разрешительный

блок – в административную сферу, лицензируемый блок – в уголовное право только при доказанном крупном ущербе либо реальной угрозе тяжкого вреда. [30]

Ограничения исследования

Настоящая статья имеет преимущественно нормативно-доктринальный и институционально-аналитический характер. Ее главный предел – отсутствие официально обнародованных, детализированных данных о правоприменении именно по статье 190 УК Республики Узбекистан. Поэтому вывод о практической избыточности статьи 190 строится прежде всего на анализе конструкции нормы, сопутствующих институтов контроля и сравнительно-правовой логики. Для дальнейшей верификации необходимы эмпирические данные о количестве уголовных дел, их отраслевом распределении, санкционной практике, прекращениях по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям и соотношении уголовных и административных механизмов реагирования. [4]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Нормативные акты и судебное толкование
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Действующая редакция по состоянию на 05.05.2026. [13]
3. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности. Действующая редакция по состоянию на 05.05.2026. Статья 165. [31]
4. О лицензировании, разрешительных и уведомительных процедурах: Закон Республики Узбекистан от 14 июля 2021 года № ЗРУ-701. [32]
5. О некоторых вопросах судебной практики по делам, связанным с предпринимательской деятельностью: Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 11 декабря 2013 года № 20, в действующей редакции. [16]
6. О Стратегии «Узбекистан – 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года № УП-158. [33]
7. О мерах по повышению роли малого и среднего бизнеса в экономике: Указ Президента Республики Узбекистан от 19 марта 2025 года № УП-50. [34]
8. О дополнительных мерах по упрощению предоставления государственных услуг, сокращению бюрократических барьеров и развитию национальной системы оказания государственных услуг: Указ Президента Республики Узбекистан от 20 апреля 2022 года № УП-113. [35]
9. О гарантиях свободы предпринимательской деятельности: Закон Республики Узбекистан. Действующая редакция. [36]
10. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 171. Незаконное предпринимательство. Редакция по состоянию на 09.04.2026. [21]
11. *Morissette v. United States*, 342 U.S. 246 (1952). [37]
12. Научная литература

13. Bibas S. Small Crimes, Big Injustices // *Michigan Law Review*. 2019. Vol. 117. No. 6. P. 1025–1062. [38]
14. Guzeeva O.S. Criminal Responsibility for Violation of Regulatory Legislation // *Russian Journal of Legal Studies*. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 91–104. DOI: 10.17816/RJLS608177. [2]
15. Gulyamov S.S., Narziev O.S. Uzbekistan Investment Law and Policy: Challenges and Opportunities // *Asian Yearbook of International Economic Law*. 2023. Springer, Cham. [39]
16. Husak D. *Overcriminalization: The Limits of the Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press, 2008. [40]
17. Kenzhetayeva A. *Small and Medium-Sized Entrepreneurship in Central Asia Thirty Years After the Transition to a Market Economy: A Comparative Analysis of Kazakhstan and Uzbekistan: Doctoral dissertation*. Kent State University, 2025. [41]
18. Khamzaev D. *Compass for Investors: Legal Guidance on Foreign Direct Investment in Central Asian Countries*. Lund: Media-Tryck, Lund University, Sweden, 2024. [42]
19. Korobeev A.I. *Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса*. М.: Юрлитинформ, 2019. [43]
20. Kudryavtsev V.N., Dagele P.S., Zlobin G.A. et al. *Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева*. М.: Наука, 1982. [44]
21. Mustafoev T. *State Anticorruption Legal Framework and Business Climate in Uzbekistan: Legal and Practical Challenges* // In: Urinboyev R. (ed.) *Central Asian Law: Legal Cultures, Governance and Business Environment in Central Asia*. Lund: Lund University (Media-Tryck), 2020. P. 61–82. [45]
22. Mustafoev T. *The International Anticorruption Agenda, Legal Culture, and Business Environment in Uzbekistan* // In: Urinboyev R. (ed.) *The Political Economy of Central Asian Law*. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. P. 23–51. DOI: 10.1007/978-3-031-55341-7_2. [46]
23. Nechaev A.D. *Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний*. М.: Юрлитинформ, 2018. [47]
24. North D.C. *Institutions* // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5. No. 1. P. 97–112. [48]
25. Sayre F.B. *Public Welfare Offenses* // *Columbia Law Review*. 1933. Vol. 33. No. 1. P. 55–88. [49]
26. Skolnik T. *The Regulatory Offence Revolution in Criminal Justice: The Expansive Role of Regulatory Offences* // *Alberta Law Review*. 2024. Vol. 61. No. 4. [50]
27. Solomon P.H. *Criminalisation, Decriminalisation and Post-Communist Transition: The Case of the Russian Federation* // In: Goodall K., Malloch M., Munro B. (eds.) *Building Justice in Post-Transition Europe? Processes of Criminalisation within Central and Eastern European Societies*. London: Routledge, 2012. P. 107–126. [51]

28. Stuntz W.J. The Pathological Politics of Criminal Law // Michigan Law Review. 2001. Vol. 100. No. 3. P. 505–600. [52]

29. Williamson O.E. Transaction Cost Economics: The Natural Progression // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 3. P. 673–690. DOI: 10.1257/aer.100.3.673. [53]